

Врачебные [секреты]

Нора Дмитриева

МОЙ ЛИЧНЫЙ
ВРАЧ

ЭКСМО

Москва
2013

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 53

Оформление серии *Даниила Малкина*

Дмитриева Н.

Д 53   **Мой личный врач : роман / Нора Дмитриева. — М. : Эксмо, 2013. — 320 с. — (Врачебные секреты).**

ISBN 978-5-699-63206-0

Лиза, врач-хирург высшей категории, предвкушала долгожданный отпуск в Крыму. Но вместо этого ей пришлось забыть о высокой квалификации и устроиться работать... простой медсестрой! Не смогла она отказать мужу своей сестры, которому пообещали большую премию за репортаж о личной жизни крупного бизнесмена Шадрина. А как еще подобраться к закрытому от прессы Шадрину, если не проникнуть к нему в загородный дом в качестве сиделки его парализованной матери Веры Дмитриевны? Первым делом Лиза выяснила: ее подопечная не так уж сильно больна, а притворяется, чтобы без помех разобраться, почему погибла первая жена Шадрина. В обстоятельствах ее смерти много неясного, но теперь у Веры Дмитриевны есть помощница, и вместе они обязательно докопаются до истины...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-63206-0

© Дмитриева Н., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

За открытым окном ординаторской нудно, словно затянувшийся насморк, шел совершенно неуместный для начала июля мелкий холодный дождь. Под его монотонное бормотание сами собой закрывались глаза, и приходилось вливать в свой измученный ночным бодрствованием организм вторую за утро чашку растворимой кофейной гадости и тихо завидовать юному интерну Диме, который сладко спал на сером дерматиновом диване, подложив под голову «Анатомию человека» под редакцией М.Г. Привеса. Мальчонке на этом дежурстве крепко досталось: в половину первого ночи к нам привезли по «Скорой» мужика с прободной язвой двенадцатиперстной кишки и начинающимся перитонитом, и мне пришлось четыре с половиной часа пахать за операционным столом, а Димуле мне ассистировать (или, скажем правильнее, пытаться ассистировать). Но благо вся остальная бригада состояла из людей вполне профессиональных, а операционная сестра Наталья Николаевна была надежна, как сейф в швейцарском банке, и умела подать

нужный инструмент на секунду раньше того, как я протягивала за ним руку, и мы справились. Сейчас наш пациент находился на передержке в палате послеоперационной интенсивной терапии, а Димуля мелодично похрапывал и, наверное, видел во сне красивых, молодых и легко одетых девушек. Увы, мне пришлось его разбудить.

— Дима, вставай, скоро заведующий нагрывает...

Интерн с трудом открыл заспанные глаза, спустил ноги на пол и энергично, до хруста в костях, потянулся:

— А я, Елизавета Петровна, и не заметил, как уснул... Думал, посижу тут на диване, а меня и смогло...

— Ничего, бывает... — Я покровительственно похлопала молодую хирургическую поросль по мускулисту плечу, вымыла под краном пустую чашку из-под кофе и отправилась дописывать историю болезни.

Доктор медицинских наук, профессор А.И. Кузнецов прибыл, как всегда, ровно в 8.30 утра, и к этому времени во вверенном ему втором хирургическом отделении нашей клинической больницы царили полный порядок и благолепие, а персонал в лице меня бодро отрапортовал о состоянии пациентов и ходе ночной операции.

Александр Иванович, заслуживший у почитаемого его коллектива прозвище папа Саша за то, что никогда и ни при каких обстоятельствах не сдавал своих подчиненных больничному начальству и бился за каждого сотрудника аки лев, предпочитая

самостоятельно казнить нас и миловать, был, как всегда, суров, но справедлив. Устроив мне шумный разнос по поводу того, что я не проследила, что у нас заканчивается перевязочный материал, он тем не менее сдержанно похвалил меня за грамотно проведенную операцию и за то, что путем интриги сумела выбить из администрации для родного отделения новенький операционный потолочный светильник «Аксима». Когда мы с папой Сашей, презрев подземный переход, шлепали по лужам в административный корпус на большую пятничную конференцию, он вдруг спросил:

— Я тебе с какого числа отпуск подписал?

— С понедельника, сегодня мое последнее дежурство...

— Ну, и куда собираешься?

— В Феодосию...

— Завидую! Там, поди, сейчас солнце. Ты только вот что, отдыхать-то отдыхай, но не забудь, что у тебя в начале сентября защита...

Это он сказал так, для приличия, потому что, как мой научный руководитель, прекрасно знал, что диссертация у меня практически готова, и осталось только доработать монографию, чем я и собиралась заняться во время двухнедельного отдыха на море.

Чинно отсидев конференцию, затянувшуюся, как всегда, на полчаса, я отправилась в ординаторскую переодеться. Натягивая джинсы, краем глаза я увидела на столе яркий подарочный пакет. В пакете лежал ядовито-зеленый купальник в стиле минимализма и открытка с пальмами, на которой

размашистыми крупными буквами было написано: «Лизок, отдыхай ярко!» Дарительницу я вычислила однозначно: ею могла быть только моя сердечная подруга невролог Верочка, известная своим пристрастием к ярким нарядам и мужчинам в стиле Федора Бондарчука.

По дороге домой я попала в пробку на Третьем кольце и, чтобы не уснуть за рулем, на всю мощь врубил музыка. Фредди Меркури и Монтсеррат Кабалье грянули «Барселону». Сумасшедший драйв композиции никак не вязался с той скоростью похоронного кортежа, с какой двигались автомобили. Через ряд от меня, мигая проблесковыми маячками, завыл реанимобиль, завязший в плотном потоке машин, как муха в меду, и тщетно взывавший, чтобы его пропустили. Но нетушки! Но пасаран! Каждый за себя и один Бог за всех. Никто не сдвинулся. Никто не расступился... Реанимобиль прямо-таки агонизировал, и я содрогнулась, представив, что в нем сейчас происходит...

Однажды нам сообщили из приемного отделения, что «Скорая» везет пациента с проникающим огнестрельным ранением грудной клетки, мы прождали его битый час, но, увы, в больницу привезли уже труп, и спасти было некого. Больной умер во время стояния машины «Скорой помощи» в пробке... Так что по нынешним временам тому, кому это по карману, в экстренных случаях вместо «Скорой помощи» следует вызывать службу МЧС, те вывезут вертолетом, а остальным остается только уповать на благоприятное расположение звезд.

Около Рижского вокзала поток машин как-то рассосался, и мой «Форд Фокус» резво пустился по проспекту Мира в Останкино, а реанимобиль рванул то ли в МОНИКИ, то ли в Склиф.

Дома меня ждал голодный кот Персик и раскрытая багажная сумка, куда предстояло уложить предназначенные для юга шмотки.

Накормив кота, я понежилась под горячим душем, надела пижаму и уже собралась нырнуть в постель, как услышала настойчивый звонок в дверь. Чертыхаясь и не попадая в рукава махрового халата, я пошла открывать.

За дверью с пухлым полиэтиленовым пакетом в руке стоял Костик — муж моей младшей и горячо любимой сестры Милочки, а также отец моих замечательных племянников Сашки, Гришки и Мишки.

— Ну, и чего тебе надобно, старче?

— Ты, Лизавета, как всегда, груба и невежлива. Я, можно сказать, с благородной миссией: Милочка тебе тут жратвы накидала, а то ведь сама с голоду умрешь, но готовить не будешь... — И зять ловко просочился мимо меня в кухню.

Я с обреченным видом последовала за ним, понимая, что спасение голодающих — всего лишь предлог, и если уж Константин пожаловал, то жди беды. Все дело в том, что мой зять обладает удивительной способностью садиться ко мне на шею, эксплуатировать самым нещадным образом и превращать мою упорядоченную жизнь в форменное безобразия. И я ничего не могу с этим поделать, потому что он напорист, а я — слабая, беззащит-

ная женщина, которая, на свою беду, попала в зависимость от своего хобби — фотографии, на которое тратит все свободное от работы время. Костик, будучи сотрудником одного желтого глянцевого журнала, этой моей слабостью всюду пользуется. Я до сих пор вздрагиваю, когда вспоминаю, как накануне Рождества, не выспавшись после ночного дежурства, в пургу, моталась в область, чтобы снять для него сюжет о том, как какой-то думский депутат раздавал в детском доме грошовые подарки. Сам Костик на это благотворительное мероприятие поехать не мог, потому что ему нужно было в то же самое время сделать заказной материал с презентации какой-то новомодной звездульки. Но и отказаться от депутата он не захотел, так как последний обещал хорошо заплатить редакции за пиар, и Константину, как исполнителю, должны были отслюнявить малую толику зеленых, на которую младенцу Мишке можно было купить детское креслице со всякими новомодными прибабасами.

Собственно, ради этого креслица мне и пришлось отправиться за сто километров от Москвы в старинный подмосковный городок, напутствуемой патетическими тирадами зятя о том, как он, бедный, старается все нести в дом, в семью, и его уважаемая родственница не переломится, если ему чуток поможет в безвыходной ситуации. Родственница, конечно, не переломилась, но на обратном пути, на Рязанке попала в аварию, помяла крыло и, пока гэбэдэдэшники разбирались в причинах ДТП, проклинала поочередно свою любовь к фото-

графии, Константина, его журнал и слугу народа с часами на запястье, стоимость которых превышала годовой бюджет детского дома.

А еще Костик как-то раз уговорил меня вместо него пойти на съемку в гей-клуб, сказав, что боится сексуальных домогательств со стороны голубых и, вообще, ему, как отцу многочисленного семейства, не пристало посещать такие сомнительные заведения. Ну, я пошла и у входа в клуб попала в потасовку между представителями нетрадиционной сексуальной ориентации и православными хоругвеносцами, в результате чего лишилась объектива «Pentax» за 500 баксов и приобрела синяк на скуле.

Однажды, когда я снимала по его заказу репортаж о монорельсовой дороге, он потребовал, чтобы я сделала кадр с высоты колеса обозрения на ВВЦ. Колесо застряло, и я полчаса под завывание ветра болталась в углой кабинке между небом и землей, проклиная тот день, когда взяла в руки фотоаппарат.

Еще, помню, был случай, когда мне вместо него пришлось снимать тигров в Московском зоопарке. Мотивация была следующей: «Лизавета, ты же понимаешь, они могут меня сожрать, а я не имею права оставить свою семью без кормильца». Тигры оказались лапочками и позировали как голливудские звезды, но вот верблюд в меня плюнул, а макака утащила сумку и славно попользовалась моей новой косметикой.

Апофеозом нашего творческого тандема был фоторепортаж с места моей работы, для которого Константин сочинил не текст, а сентиментальную

фугу, за что папа Саша целую неделю со мной не разговаривал и сменил гнев на милость только после того, как я клятвенно пообещала написать за него квартальный отчет.

Так что, в связи с вышеизложенным, появление Костика на моей территории сильно насторожило.

— Ну, колись, зачем пришел...

— Как зачем? — с деланным удивлением ответил зять, выкладывая пластмассовые лотки со снедью на кухонный стол. — Вот отбивные, вот салат, а здесь пирожки с капустой... Милочка их утром испекла. Потрогай, еще теплые... Чаю нальешь?

Я вскипятила чайник, и мы сели пить чай с чудными пирожками, испеченными моей кудесницей-сестрой.

— Ты когда едешь-то?

— Завтра утром.

— А кота куда? К нам или к своей Верочке?

— Нет, с собой возьму.

Константин театрально возвел очи горе, а затем перевел на меня горестный взгляд, в котором явно сквозила обеспокоенность состоянием моих умственных способностей.

— Тащить кота за тысячу километров... через границу... в другое государство? Лизавета, ты что, рехнулась?

— Почему рехнулась? В машине он у меня ездить привык, документы на него я оформила, а в Феодосии его уже ждет невеста.

— Какая еще невеста?

— Матильда, Настина кошка. Она вопит круглые сутки и требует любви. А Настя не хочет давать ей таблетки «антисекс», потому что они вредны для здоровья. И она попросила привезти Персика. Думаю, у них с Матильдой будут красивые дети. Правда, Персик? Ты ведь постарайся?

Персик, вальяжно развалившийся на диване, лениво открыл один глаз и утвердительно мурлыкнул. Костик схватился за голову:

— Ты хоть понимаешь, что ты несешь? Серьезный человек, врач-хирург, заместитель заведующего отделением, без пяти минут кандидат наук, везет kota в женихи! У них что, в Крыму своих котов нет?

— Таких нет, — с гордостью сказала я. — Ты только посмотри, какой красавец! Это же Шварценеггер в молодости.

— Слушай, у тебя из-за этой персидско-сибирской сволочи развилась форменная шизофрения.

— Это у тебя шизофрения! А у меня — эстетический восторг перед совершенным творением природы.

В этот момент «совершенное творение природы» сперло с тарелки зятя недоеденный кусок пирожка и уткнуло со своей добычей под стол.

— Твой Персик — это шесть килограммов жира, лени, шерсти и воровства. И дети у него будут ворами. И тогда тебя твоя Настя в гости больше не пустит... Да, кстати, а чего это ты для поездки выбрала такое неудачное время?

— Почему неудачное? — удивилась я.

— Какая благородная донна ездит в Крым в июле? — высокопарно изрек Костик. — Туда нужно ехать в сентябре, в бархатный сезон, когда виноградные грозди лопаются от забродившего сока, морская вода нежна, как перси юных дев, когда пляжи не загромождены изнывающими от жары потными телами, а коктебельский променада заполняют толпы холостых преуспевающих мужчин... И, может быть, один из них — твое будущее личное счастье?!

— Костик, холостые и преуспевающие разгуливают совсем по другим променадам, и мне на них, честно говоря, наплевать... Так что лично я отбываю в Крым завтра рано утром, и ничто меня не остановит. Мне на фиг надоела эта насморочная погода, я хочу жариться на солнце, есть жареную барабульку и фотографировать развалины генуэзской крепости.

Зять помолчал, поболтал ложкой в чашке.

— Тут, понимаешь, такое дело...

И разговор зашел о том, ради чего, собственно говоря, он изображал передо мной мать Терезу. Дело было весьма примечательное, и суть его, со слов Константина, сводилась к следующему: национальный лидер нашего государства изволил милостиво побеседовать с неизвестным широкой общественности бизнесменом Шадриним А.З., который начал в подмосковном городе Технограде производство какой-то новинки в сфере модных ныне нанотехнологий. Новинка эта, по свидетельству специалистов, способна была сделать настоящий переворот в компьютерной технике, выдви-

нуть нашу страну в самые что ни на есть передовые, то есть сулила нереально лучезарные перспективы и всеобщее счастье. Отечественные СМИ, конечно же, необыкновенно возбудились, но тут их ожидал полный облом: Шадрин А.З. оказался мужиком суровым и непубличным, его команда пиаровцев — немногословной, охрана — непробиваемой, а забор, окружающий его загородный дом, — высоким. Даже приличной фотографией никто не мог разжиться: по страницам газет и Интернету гулял какой-то невнятный снимок, где бизнесмен,жимающий руку нашему национальному лидеру, был снят практически со спины. Но широкая публика, приученная желтой прессой, жаждала более подробной информации. Она желала знать, что этот герой дня предпочитает носить — костюмы от Гуччи или от Михаила Воронина, часы «Rolex» или «Patek Philippe», где предпочитает отдыхать, чем увлекается в свободное от трудовых свершений время, содержит ли любовницу и прочие пикантные подробности, которые стали бы предметом всестороннего обсуждения. Обломав зубы о непрístupного пионера прогресса, Костин главред объявил премию в две тысячи зеленых тому корреспонденту, который сумеет прорвать оборону противника и принести ему на блюдечке сочный фоторепортаж о том, как господин Шадрин проводит время в кругу семьи, что ест, что пьет и какой косметикой пользуется его жена. Копание в семейном грязном белье также приветствовалось. Владелец журнала одобрил эту идею, потому что знал, что такой эксклюзив смо-